

ВОССОЕДИНЕНИЕ УНИАТОВ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Иерей
Александр РОМАНЧУК

Минская Духовная Семинария, бакалавр богословия—1995, Минская Духовная Академия, кандидат богословия—2001.

Воссоединение униатов с Православной Церковью, произошедшее на Полоцком соборе 1839 г., является одним из важнейших событий истории белорусского народа. Несмотря на достаточную исследованность исторической наукой этого события, оно остается предметом не только споров, но и политически ангажированных спекуляций, и откровенной лжи. Это свидетельствует о том, что волны, поднятые воссоединением, не улеглись. До сих пор ликвидация унии влияет на ход общественной и политической жизни в Беларуси. По отношению общественного деятеля к делу воссоединения униатов можно смело судить как о его духовно-культурной самоидентификации, так и о политических взглядах. Отсюда тема, связанная с осмыслением всех исторических реалий, порожденных унией, звучит актуально и в наши дни. Попытаемся проследить историческую судьбу белорусского народа в зависимости от генезиса самой идеи унии.

Как известно, территория современной Белоруссии входила в состав Киевской Руси. В X—XIII вв. здесь возникла и расцвела мощная славянская христианская культура, основанная на византийской православной традиции. Достигли высокого уровня развития литература, архитектура, живопись, прикладное искусство, музыка. Все эти отрасли культуры опирались на Восточно-христианскую духовность и имели глубоко церковный характер. При этом, как отмечают все исследователи, они несли на себе отпечаток местных особенностей, что свидетельствует о творческом подходе и глубине в восприятии народом огромного пласта высочайшей византийской культуры. Несомненно, такая передача цивилизации оказалась возможной благодаря тому, что в результате просветительской деятельности святых братьев Кирилла и Мефодия православное христианство пришло на славянские земли

на славянском языке, что напрочь исключало восприятие славянами христианства и византийской культуры как чего-то чуждого. Это позволило восточным славянам очень быстро войти в круг культурно развитых народов. Таким образом, предки белорусов вместе со всем населением Киевского государства вошли в суперэтнос: византийское содружество народов и сферу Восточно-христианской цивилизации, стержнем которой являлась Православная Церковь¹.

При этом важно отметить, что принадлежность к какой-либо цивилизации подразумевает не только единство людей в мировоззренческих и духовно-культурных вопросах, но и вполне определенный стереотип поведения на бытовом уровне. Если идентификация «свой—чужой» осуществляется по какому-либо мировоззренческому признаку, — например, вероисповеданию — то на эмоциональные взаимоотношения людей разных цивилизаций главное влияние оказывает именно бытовой стереотип поведения. Проще говоря, то, что принадлежащим одной цивилизации кажется хорошим, а значит приемлемым, тем, кто относится к иной, представляется плохим и неприемлемым. К сожалению, бытовой уровень делает возможность мирного сосуществования цивилизаций проблематичным, и они постоянно находятся в состоянии открытого или скрытого соперничества. Причем потеря суперэтнотосом или цивилизацией сферы влияния не означает исчезновение принадлежащих им людей. Люди остаются, но меняются духовно-культурные ориентиры, стереотип поведения, и, как следствие, цивилизационная самоидентификация².

Одновременно со становлением Киевской Руси как части Восточно-христианской цивилизации, ее ближайшая соседка Польша, народ которой принадлежит к славянскому культурно-историческому типу, через принятие католицизма вошла в состав Западно-христианской — Европейской цивилизации и соответ-

ствующий суперэтнос. Граница двух различных цивилизаций прошла между братскими славянскими народами. Трудно спорить с Н.Я.Данилевским, который определяет понятие Европа не как географическую, а как культурно-историческую реальность. Он пишет: «Европа есть поприще германо-романской цивилизации — ни более, ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация»³.

Таким образом, с принятием католицизма польский славянский народ вошел в сферу влияния цивилизации, которая выросла на совершенно чуждой ему этнической и языковой основе. Поляки всеми силами постарались усвоить и соответствующий стереотип поведения, не очень успешно ломая в себе славянские стихии. Это неизбежно делало Польшу цивилизационным форпостом Запада, постепенно, по мере усиления церковного разделения Востока и Запада и их цивилизационного противостояния, толкало ее на попытки стать во главе славянского мира с «цивилизаторской» целью. Этому способствовала особенность Западно-Европейской цивилизации: ее представители признают носителями цивилизации только себя. Всех прочих они считают объектом цивилизаторской деятельности. Отсюда наступление на славянские территории немецких монашеско-рыцарских орденов в XIII—XIV вв., колониальная политика и пр. Забегая вперед, скажем, что это вело Польшу к соперничеству с другим лидером славянства — православной Московской Русью, а затем Российской империей. Именно это и составляло для последней суть так называемого «польского вопроса».

Однако вернемся к белорусским землям. Киевская Русь с середины XII столетия начала стремительно разваливаться на отдельные регионы и удельные княжества. Катализатором этого процесса явился татаро-монгольский разгром русских земель в первой половине XIII столетия. Основная линия разлома проле-

ла между Северо-Восточными и Юго-Западными территориями бывшей единой страны. Последние стали объектом пристального интереса со стороны венгров, поляков и только вступающих в этот период на историческую сцену литовцев. Современные Белорусские земли, составлявшие Западную часть Киевской Руси, постепенно вошли в состав Великого Княжества Литовского. К концу XIV века оно занимало огромную территорию от Черного до Балтийского моря с одной стороны и от Угры, Оки и истоков Сейма до Западного Буга с другой. При этом собственно литовские земли занимали только десятую часть государства. Православные русские составляли до 80% населения страны и довели над литовцами не только количественно, но и культурно. Литовские князья в большинстве признавали пользу культурного воздействия русских-православных на литовцев-язычников и не только не препятствовали ему, но и сами охотно ему поддавались. «Со времен Миндовга до Ягайлы, — пишет митрополит Макарий в своей «Истории Русской Церкви», — большая часть литовских князей исповедовала Православие»⁴. То, что некоторые князья принимали Православие не по убеждению, а по каким-либо видам и впоследствии легко отказывались от него, не могло остановить русское влияние на литовцев. Они постепенно «перенимали у русских ремесла и искусства, обычаи и нравы, православную веру, право и даже язык». Особенно усилились эти процессы со вступлением на великокняжеский престол Витеня (1293—1316 гг.). Своего апогея они достигли во время правления Ольгерда (1345—1377 гг.). Большое значение в этом играли смешанные браки литовцев и русских, которые практиковались и великими князьями и простолюдинами. Несомненно, шел медленный и естественный процесс вхождения литовцев в Восточно-христианскую цивилизацию.

Цивилизационная ситуация в Литве начала меняться с заключением между Великим Княжеством Литовским и Польшей

Кревской унии в 1385 г. Уния была необходима политикам обоих государств для решения как общих внешнеполитических, так и своих внутренних проблем. Она была заключена в виде брачного союза между великим князем Литвы Ягайло и польской принцессой Ядвигой. Однако, надо сказать, что поляки и литовцы ставили перед своим союзом разные цели. В представлении литовских патриотов «династическая уния была лишь союзом двух самостоятельных государств, которые обязаны были жить между собою в мире и согласии, оказывать взаимную помощь в войне с врагами, содействовать в деле развития благоустройства и мощи обоих государств». Поляки же «стремились использовать династическую унию для присоединения Великого Княжества Литовского к Польше, полной колонизации его земель и введения католической веры среди православного населения». После заключения унии и возведения на польский трон Ягайло, получивший в латинском крещении имя Владислав, последовательно проводил в жизнь и политические, и цивилизационные положения Польско-Литовского союза. В 1387 и 1400 гг. он издал привилеи, согласно которым вся знать, исповедующая православную веру, ставилась в ущербное правовое и экономическое положение по сравнению с феодалами-католиками. При этом великий князь Витовт, который неоднократно выступал как политический оппонент Ягайло в цивилизационных вопросах, поддерживал своего двоюродного брата — польского короля. Ему было важно разорвать цивилизационное единство русского населения Великого Княжества Литовского и объединяющейся вокруг Московского княжества северо-восточной Руси.

Первоначально дискриминирующие православных законодательные акты распространялись в основном на литовских бояр. Но в дальнейшем, после Городельского сейма 1413 г., поражение в правах православной знати было применено и к русским территориям Великого

Княжества Литовского. Акт Городельской унии, которая подтвердила и существенно укрепила Польско-Литовский союз, ставил православных на одну ступень с язычниками. «Упомянутыми вольностями, привилегиями и милостями,—читаем в этом акте,—должны пользоваться и владеть только те паны и бояре Литовской земли, коим предоставлены гербы и клейноды панов королевства Польского и которые исповедуют католическую веру и подчиняются римской церкви, но не схизматики (т.е. православные) или другие неверные». Конечно, польское правительство, расширяя «привилегии, вольности и милости» католической знати Великого Княжества Литовского, преследовало вполне определенную политическую цель: привязать литовских бояр-католиков к унии с Польшей и сделать их ее защитниками. Но нельзя не видеть, что это имело далеко идущую цель—соблазнить державшихся Православия к переходу в латинство. Хотя в дальнейшем под давлением политических обстоятельств Ягайло неоднократно шел на некоторые уступки православным (привилегии 1432 и 1434 гг.), тем не менее, до конца своих дней он остался верен Городельскому постановлению 1413 г. Это же можно сказать и о его преемниках на польском троне.

Недовольство православного населения, аристократии и дворянства Великого Княжества Литовского дискриминационным наступлением на их духовно-культурные начала, послужило одной из причин гражданской войны 1432—1436 гг., которая имела национально-религиозную окраску и черты национального движения. Русское население стремилось даже к собственной государственности: в источниках речь идет о «Великом Княжестве Русском». Однако выступивший выразителем их интересов великий князь Свидригайло не сумел полностью использовать представившийся ему исторический шанс. Он совершил несколько крупных политических ошибок и увлекся идеей церковной унии, которая

была совершенно непопулярна среди русского населения Литвы. В результате большая часть русских феодалов покинула Свидригайло и он потерпел поражение. «С поражением Свидригайлы,—пишет А.Н.Гумилев,—последние надежды на торжество Православия в Литве оказались похоронены»⁵. С этого момента превращение Великого Княжества Литовского в католическое государство было только вопросом времени и произошло довольно быстро. Занявший польский трон великий князь литовский Казимир в 1447 г. практически уравнивал личные и экономические права православной знати и феодалов-католиков, хотя дискриминация при назначении на государственные должности и политическое неравенство продолжала существовать, что постоянно отмечают практически все исследователи. Это политическое неравенство свидетельствует—борьба православных под знаменами Свидригайло не остановила, а только приостановила цивилизационное наступление Польши. Поэтому можно смело согласиться с академиком А.Н.Гумилевым, который говорит, что со времени правления Казимира «Литва окончательно превратилась в католическое государство»⁶. Добавим—католическое государство с подавляющим православным населением. Это было первым плодом Кревско-Городельских соглашений.

Здесь нам необходимо оговориться, что причины дискриминационной политики польского правительства относительно православной знати вполне понятны. Аристократия и дворянство—это элита, потомственные вожди народа, организаторы всех сторон его государственной и общественной жизни. Они же—хранители традиций и передовые представители культуры своего народа. Образно говоря, это глава, определяющая направление движения общества. Польский король, аристократия и дворянство Польши, римо-католическое духовенство надеялись, что крещение в католицизм литовских бояр-язычников и

изменение конфессиональной принадлежности православной русской и литовской знати Великого Княжества Литовского заставит следовать за ними весь народ этого государства. Надежды на последнее росли по мере того, как одновременно с цивилизационным наступлением на православную знать с конца XIV века происходил процесс закрепощения крестьян. Естественно, что не свободный лично и экономически зависимый от своего господина крестьянин должен был стать легкой добычей западных культуртрегеров.

Дальнейших последствий Кревской унии и Городельского сейма не пришлось ждать долго. С одной стороны, постепенно государственный и политический уклад Великого Княжества Литовского стал идентичен польскому. С другой стороны, достаточно быстро в погоне за равноправием с католической аристократией, привилегиями и высшим положением в государстве многие русские княжеские и знатные шляхетские роды перешли из Православия в католичество. Этот переход подразумевал изменение не только духовно-культурных ориентиров и цивилизационной самоидентификации, но и принятие цивилизационных с польским этническим оттенком стереотипов поведения. Иначе перешедший из Православия шляхтич или боярин просто не мог быть принят в среду польской католической знати. Отсюда изменение конфессиональной принадлежности помимо прочего принимало у этих людей вид отказа от своих этнических корней. Если это еще не очень хорошо получалось у перешедших в латинство отцов, то дети, а тем более внуки уже мало чем отличались от природных поляков. В исторической науке данное явление обозначено термином «полонизация».

Помимо этого на Литовские земли хлынул поток переселенцев из Польши, которые занимали разные должности в Великом Княжестве Литовском и приобретали здесь имения. «Беларусь по-

крылась,— пишет архиепископ Афанасий (Мартос),— густой сетью польских колоний и польской шляхты, наехавшей сюда из Польши. Образовались так называемые «околицы» и «засцянки» польской и сполонизованной шляхты... Эта шляхта являлась большой полонизационною силою в Беларуси»⁷. Естественно— все эти люди составили очень влиятельный слой населения, в среде которого полагали, что живут в варварской стране и несут на себе цивилизаторскую миссию. Конечно, эта польская и ополяченная знать была привержена унии с Польшей. Наконец, далеко не все православные феодалы сдались под натиском католической политики польских королей. В их среде возникли и начали развиваться симпатии ко все более возвышающейся и берущей на себя роль защитницы Православной веры Москве. Это вылилось в сепаратизм православной знати Великого Княжества Литовского и ее борьбу с центральной властью государства. Так, в 1481 г. в Киеве был раскрыт заговор против короля Казимира, который был организован православными магнатами: Слуцким князем Михаилом Олельковичем, его двоюродным братом Федором Бельским и одним из князей Гольшанских. В конце 80-х— начале 90-х гг. XV в. Великое Княжество Литовское потеряло территории, принадлежавшие православным князьям Воротыньским, Белявским, Мерецким, Вяземским, которые перешли на службу к Московскому Великому князю вместе со своими уделами. Эти тенденции усугублялись тем, что Москва, видя цивилизационную политику правителей Речи Посполитой, не могла не выступить как правопреемница Киевской Руси и не претендовать на принадлежащие Литве территории с исконно русским православным населением. Также в это время— в XVI в.— Московское княжество боролось за решение государственно-политических проблем на своих западных рубежах. Это вело к постоянным и губительным для Великого Княжества Литовского вооруженным конфликтам между Вильно и Москвой.

В этих войнах Княжество потеряло часть своей территории. Совокупность таких причин, являвшихся прямыми или опосредованными последствиями цивилизационных аспектов Кревских и Городельских соглашений, ослабляло Великое Княжество Литовское и все более толкало его правителей на укрепление союза с Польшей.

В результате литовские патриоты, несмотря на то, что они неоднократно добивались королевских грамот с подтверждениями независимости Великого Княжества Литовского, не сумели сохранить суверенитет страны. В 1569 г. на созванном в Люблине сейме произошло объединение Польши и Великого Княжества Литовского в одно государство — Речь Посполитую. Некоторые исследователи считают, что «положение Великого Княжества Литовского в составе Речи Посполитой не было... трагичным»⁸. Однако большинство историков справедливо находят, что заключение Люблинской государственной унии — это не только аннексия и инкорпорация Литвы в королевство Польское, но и цивилизационная трагедия для исконно русского населения Литвы, т.к. эта уния несла в себе угрозу полного окатоличивания и полонизации края. Вина за эту трагедию ложится на литовских князей. В частности, согласно мнению профессора Я.А.Юхо, акт люблинской унии просто прикрывал государственную измену великого князя, а также насилия польских феодалов и высшего католического духовенства. Помимо этого люблинская уния законодательно закрепляла отлучение украинских и части белорусских земель и должна была стать программой ополячивания и ликвидации белорусской и украинской культур⁹. Подобные мнения историков можно приводить во множестве. Они свидетельствуют о том, что от пристального взгляда исследователей не ускользнул факт, что правителям Великого Княжества Литовского были совершенно чужды интересы и чаяния их русских подданных. В результате трудно согласиться с неоднократ-

но озвученным националистически настроенными деятелями мнением, что это княжество было ранней белорусской державой.

Аннексия Великого Княжества Литовского Польшей повергло русское православное население Литвы под полную власть польского правительства и римокатолического духовенства. Уже прежде русские (здесь и далее мы имеем в виду предков белорусов, которые сами себя в те времена идентифицировали русскими) через окатоличивание и полонизацию практически лишились своей элиты, а через крепостную зависимость — ведь подавляющее большинство православного населения составляли крестьяне — свободного голоса. Все это не давало им возможности организовать эффективное сопротивление и отстаивать свои права. Единственным институтом, который организовывал русское население и выступал хранителем духовных и национально-культурных основ их жизни, оставалась Православная Церковь. Но она уже со времен Ягайло и Витовта оказалась под особо пристальным вниманием враждебно настроенной власти и покровительствуемого ею латинства, подвергаясь уничижению и гонениям, постепенно нараставшим по мере сближения Литвы с Польшей и естественно усилившимся после Люблинской унии. «Хотя Речь Посполитая была в то время самым веротерпимым государством Европы, — пишет автор брошюры «Присоединение к Риму и становление воссоединенной Церкви» униатский священник Сергей Голованов, — к христианам греческого обряда часто относились как к гражданам второго сорта. Польские духовные писатели называли их «схизматиками», церкви — «синагогами», а епископов — «владыками» (в смысле, «ненастоящие епископы»). Обычный латинский епископ занимал более значительное общественное положение, чем Киевский митрополит. Владык не пускали в сенат, в отличие от их собратий латинского обряда. Православные храмы были обязаны отчислять де-

сятую часть своих доходов ближайшему костелу. Всеми привилегиями обладали только польские и литовские шляхтичи римского обряда, которые чувствовали себя завоевателями и колонизаторами восточно-славянских земель»¹⁰.

Такое положение Православной Церкви в Речи Посполитой не могло не принести ей особого вреда. Хорошо известно, что во времена гонений Церковь увеличивает свой авторитет и укрепляется. Но этого не произошло в Литве. Дело в том, что в Литовском Православии, оторванном от тела прочей Русской Церкви и территориально удаленном от своего патриархийного центра — Константинополя, получили развитие многие тенденции, которые со временем извратили церковную жизнь народа. Во-первых, сузился объем церковного суда, что существенно ограничивало сферу влияния Церкви на жизнь как отдельного человека, так и общества в целом. Во-вторых, в ущерб церковной иерархии развилось участие в церковном управлении мирян. Право покровительства, право подавания, право презента, управление и суд в отношении патронируемых учреждений, находившиеся в руках православной знати и возникшие как плод усердия благочестивых ревнителей Церкви, первоначально работали на защиту Церкви от латинства. Но по мере окатоличивания и ополячивания высшего слоя Великого Княжества Литовского, обращались против нее. Патроны-католики, в числе которых был и сам король, в отношениях к православным храмам и монастырям руководствовались не их интересами, а смотрели на них как на доходные статьи, называя «духовными хлебами», и целенаправленно разрушали организм Церкви. Это вело к страшным злоупотреблениям, главным следствием которых был приход в церковную иерархию всех уровней многих недостойных членов и падение доверия церковного народа к своим архиереям и пастырям. Последнее внесло в саму Православную Церковь губительный для нее раскол между

интересами высшей иерархии и простого народа. Ярким свидетельством тому является деятельность православных братств, которые, как известно, боролись не только с наступлением латинства, но и со своими владыками. Отсюда стало возможным то, к чему стремились литовские князья и польские короли, начиная с Витовта: заключение религиозной унии между католической и Православной Церковью в Литве. Тщательно подготовленное латинским духовенством и особенно иезуитами, оно совершилось в Бресте в 1596 г.

Несмотря на сопротивление, которое православные оказывали распространению унии в течение практически всего XVII столетия, униатство при мощной поддержке государства восторжествовало. К концу XVIII века на территории современной Белоруссии и Литвы проживало около трех миллионов человек. 39% от общего количества белорусов, поляков и литовцев принадлежали униатской церкви, 38% были католиками, 6,5% исповедывали православие, остальные были староверами и протестантами. Подавляющая часть белорусских крестьян — 80%, бедная шляхта и мещане были униатами. Введение церковной унии со всей очевидностью открыло цивилизационную суть политики правителей Польши в отношении их русских подданных. Дело в том, что католичество в его униатской ипостаси не поставило белорусов в равное положение с поляками-латинянами. Как прежде православные, так теперь униаты продолжали оставаться в Речи Посполитой людьми второго сорта. Их веру, язык, материальную и духовную культуру называли «хлопскими» в противоположность «панским» — польским — вере, языку и культуре. Этнический и цивилизационный стереотип поведения белорусов считали варварством. Латинство и польскость были поставлены перед белорусами тем идеалом, к которому они должны были стремиться. «Хотя со временем Уния и получила известное распространение, — пишет автор «Истории Православия в Литве», — ну

популярности и авторитета, несмотря на все усилия, не снискала. Униаты существовали презируемые как православными, так и довольно часто католиками. Их вера, как, впрочем, и Православная, считалась «холопской» верой: дворянство и шляхта, изменяя Православию, стыдились Унии и старались переходить в т. н. «панскую» веру—католичество. Само правительство тоже не очень ценило Унию: сенаторских мест униатская иерархия, несмотря на все обещания, так и не получила и по сравнению с католической иерархией постоянно оставалась в обидном, приниженном положении»¹¹.

Само правительство тоже не очень ценило унию: сенаторских мест униатская иерархия, несмотря на все обещания, так и не получила и по сравнению с католической иерархией постоянно оставалась в обидном, приниженном положении». В таких условиях в среде униатской иерархии не могло не происходить постепенного отказа от православного духовно-культурного наследия, что меняло древние внешние и внутренние формы церковности народа и в исторической науке получило название «латинизации унии». В результате «уния была не только мостом между Православием и католицизмом, незаметно менявшим конфессиональную принадлежность людей, что отмечают многие исследователи, но и мостом между восточной и западной культурами, между западным и восточным менталитетом, который незаметно переводил людей Востока на Запад. Уния, навязанная не столько церковными, сколько политическими методами и государственной силой, вела белорусов и украинцев к денационализации». Из всего сказанного становится ясно, что если Люблинская уния повергла белорусов к ногам польских правителей, то Брестская уния окончательно отдала их в руки западных «цивилизаторов».

Совокупность этих причин привела к тому, что этногенез белорусов оказался существенным образом искажен и за-

торможен. С конца XIV в. белорусская народность формировалась под все более нарастающим враждебным цивилизационным влиянием и давлением. Белорусы лишились элиты. При этом граница цивилизационного противостояния прошла не между народами, а между высшим и низшим сословиями одного народа, внося в его среду страшный по своим последствиям духовно-культурный раскол. Православная Церковь, уже определившая цивилизационный лик народа, в лоне которой предки белорусов сформировали свою духовность и культуру, не просто потеряла влияние, а практически исчезла. В свою очередь, уния постепенно отбрасывала православное духовно-культурное наследие и становилась проводником другой цивилизации. Более того, белорусы были поставлены в положение людей второго сорта и подверглись жесточайшему гнету во всех областях жизни. В итоге белорусская культура оказалась искусственно вытесненной в самый низ общества, в крепостную крестьянскую среду, на уровень фольклора. Здесь, конечно, она не могла нормально развиваться и достичь высокого уровня. Такая же печальная участь постигла и белорусский язык. В 1696 г. он был полностью заменен польским в государственном делопроизводстве и на столетия потерял шанс выработать свою литературную форму. Усилия отдельных людей, таких как Георгий Скорина, Леонтий Карпович и др., переломить эту ситуацию не могли. Наконец, все это не позволило народу выработать полное собственное этническое самосознание. «На вопрос: кто ты?—пишет Я.Карский,—простолюдин отвечает—русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком...»¹² Принимая за общепринятый факт утверждение о том, что названия «Белая Русь» и «белорусы» очень древние, «так называл себя, вероятно, русский народ в Литве, а может быть, так его прозвали соседи» уже со времен Ольгерда и даже Гедимины, можно сделать вывод, что позднее самоназвание «русские» говорит об искусственной

приверженности к нему белорусов. Таким способом они защищались от духовно-культурной экспансии Польши, подчеркивая свою принадлежность к огромной русской семье. Инстинктивно искали в последней опору в стремлении самосохранения. Именно отсюда, по нашему мнению, проистекает в белорусской среде такое глубинное явление, как «западно-русизм», т.е. тяготение к единой и единоплеменной России.

Однако следует задаться вопросом: могли ли такими методами правители Речи Посполитой и католическое духовенство переориентировать белорусский народ и привести его в недра западной цивилизации? Конечно, нет! Фактически это была попытка прививки народу чужой цивилизации. Территория Белоруссии покрылась густой сетью польских колоний, куда относились города и местечки, замки магнатов, помещичьи имения, шляхетские околицы. Но по справедливому мнению Н.Я.Данилевского, о трудах которого несколько снисходительно, но не опровержительно писал Л.Н.Гумилев, начала цивилизации таким прививанием передать нельзя. Более того, Данилевский, приводя исторические примеры попыток привить разным народам чуждую для них культуру, проводит аналогию с прививками растениям и пишет: «Надо быть глубоко убежденным в негодности самого дерева, чтобы решаться на такую операцию, обращающую его в средство для другой цели, лишаящую его возможности приносить цветы и плоды *suū generis* (своего рода.—авт.); надо быть твердо уверенным, что из этих цветов и плодов ничего хорошего в своем роде выйти не может. Как бы то ни было, прививка не приносит пользы тому, к чему прививается, ни в физиологическом, ни в культурно-историческом смысле».

Невозможность передачи культуры от одного народа к другому утверждал и О.Шпенглер. В своем фундаментальном труде «Закат Европы» он писал, что чужую цивилизацию народ в целом при-

нять не может в силу того, что культура—это самовыражение коллективной души народа. Шпенглер сформулировал идею «взаимонепроницаемости» культур. Согласно ей, каждая культура замкнута в себе самой. Она не имеет ничего общего с другими культурами и создает свои специфические ценности. Вместе с тем, в среде народа могут находиться отдельные люди, имеющие «определенное направление чувствования», которые могут выпасть из сферы влияния своей цивилизации и менять этническую самоидентификацию. Именно это произошло с белорусской аристократией. Более того, с помощью унии Польша постаралась сформировать у всего белорусского народа такие «определенные направления чувствования»¹³. Но добиться этого у всей совокупности людей, живущих на родной земле, видящих свои древние святыни, говорящих на униженном, но родном языке, уже выработавших специфический стереотип поведения—невозможно. От народа, как от материковой плиты, могут откалываться отдельные большие или меньшие части, но в целом народ при любой степени давления и порабощения находит формы и способы выживания. Можно сказать, что белорусы нашли такой способ в уходе в глубинный подсознательный консерватизм, не дающий возможности ошибиться в определении «свой—чужой» или «свое—чужое» и соответственно закрывающий внутреннюю жизнь этнического сообщества от внешнего воздействия. Образно говоря, консерватизм привел к тому, что белорусы с внешней стороны стали подобны мягкой глине, которой можно придать любую форму. Об этом ярко свидетельствует воспоминание тех, кто сталкивался с белорусами в повседневной жизни или изучал их историю. Например, в отчете Виленского генерал-губернатора Ф.Я.Мирковича за 1841 год, опубликованном в журнале «Русский Архив», говорится, что политика русификации в крае, которая проводилась после восстания 1830-31 годов, вызывает крайнее неудовольствие в польском дворянстве и католическом

духовенстве. При этом Миркович замечает: «Два эти сословия совершенно управляют умом, волею и совестью народа (т.е. белорусов), не имеющего никакого чувства самобытности и постоянно готового повиноваться той власти, которая его будет руководить»¹⁴. В свою очередь, автор «Истории Литовского государства с древнейших времен» П.Д.Брянцев пишет: «В Белоруссии католические миссионеры и помогавшая им шляхта не встретили особенного сопротивления со стороны православного населения, потому что оно здесь было запугано и забито еще раньше. Белорусы, по свидетельству современников, «как безответные овцы, подгоняемые дубьем и палкою, шли или в костел для принятия католицизма, или в униатскую церковь для объявления себя униатами»¹⁵. Но эта видимая мягкость обманчива—ведь природу глины, сколько ее не мни, изменить невозможно. Так же в данном случае невозможно изменить и природу ушедшего в консерватизм народа. В частности, консерватизм белорусов сыграл злую шутку с униатской церковью. Ее создатели, как мы уже отмечали, видели в ней средство изменения духовно-культурной самоидентификации народов бывшего Великого Княжества Литовского. Вместо этого униа в условиях цивилизационного давления оказалась убежищем для народа, который не хотел менять свою самоидентификацию. «Под покровом унии» они хранили свои древние традиции, культуру и «старые православные убеждения».

Однако мы не будем объективными, если будем утверждать полную бесплодность унии. «Уния,—свидетельствует митрополит Иосиф Семашко,—действовала неодинаково, и по времени, и по местности. Она была недвижна или даже сокращалась во время браней России с Польшею семнадцатого века, и усиливалась, когда при благоприятных обстоятельствах Польское правительство могло ей содействовать. Она труднее действовала на энергическое Малороссийское племя, нежели на Белорусское. Она уси-

ливалась и утверждалась преимущественно там, где Римскокатолическое духовенство и особенно иезуиты имели сильное влияние. Таким образом, ближе к Варшаве и Вильне, Уния с самого начала пустила глубокие корни и вполне временем утвердилась. Но дальше к пределам России, где население было почти исключительно русское, а Латинское духовенство в малом количестве, Уния восторжествовала, с немалым трудом, едва в последнее пятидесятилетие существования Польши»¹⁶. Красноречивое подтверждение этим словам мы можем найти при изучении статистических данных о средней территориальной величине прихода в униатских епархиях около 1772 г. Зная, что православные к этому времени составляли всего 6,5% от общего населения Белоруссии, мы вправе ими пренебречь и учитывать только униатов и католиков. Так вот, средняя величина униатского прихода на северо-западе Белоруссии составляла от 201 до 300 кв. км. в Виленской епархии, и от 101 до 200 кв.км. в Полоцкой. На юго-востоке величина прихода колебалась в разных местностях от 21 до 100 кв. км. При этом очевидно, что увеличение средней площади прихода свидетельствует о меньшей плотности униатского и большей плотности латинского населения, а, следовательно, и степени влияния второго на первый в данном регионе. Из этого краткого анализа распространения и действия унии можно сделать вывод, что она не могла изменить самоидентификацию всего белорусского народа, но изнутри раскалывала его в духовно-культурном плане на отдельные части.

Цивилизационная ситуация на территории Белоруссии вновь начала меняться с падением Речи Посполитой, которому в немалой степени содействовал так называемый «диссидентский вопрос», суть которого составляла проблема религиозной нетерпимости польского правительства и польского общества ко всем своим подданным и согражданам-некатоликам. После трех разделов Речи По-

сполитой в конце XVIII столетия (1772, 1793, 1795 гг.) к Российской империи отошли Правобережная Украина, Западная Волынь, Белоруссия, Литва, Лифляндия и Курляндское герцогство. Большинство исследователей говорят о благотворных плодах этого события. Действительно, присоединение Белоруссии к России привело к быстрому развитию экономики, торговли, культуры. Нам нет нужды подробно описывать сложные политические, социальные и религиозные процессы, которые происходили на присоединенных землях в конце XVIII в. Достаточно сказать, что территория Белоруссии стала ареной ожесточенной цивилизационной схватки между Россией и Польшей, русско-стью и полонизмом, Православием и католицизмом. В этой схватке поляки делали ставку на то, что белорусы в результате многовекового цивилизационного наступления на них стали уже ближе к ним, чем к России. В польском «катихизисе», который был широко распространен в первой половине XIX века, об этом говорилось прямо: «У Польши есть своя Индия: Украина и Литва,— колонии эти с Польшей составляют одно целое и, при разуме и умении вести дело, никогда в материальном отношении не будут от нее отторгнуты»¹⁷.

В свою очередь, суть и смысл этой борьбы для России наиболее емко выразил обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев в письме молодому императору Николаю II от 21 сентября 1899 г.: «...на Литве и Юго-Западном крае масса русского народа представляет предмет исторической, донныне делящейся тяжбы между Россией и Польшей. Все тайные усилия католической Польши обращены к тому, чтобы эта масса стала католическою и, стало быть, польскою. Это вопрос жизни и смерти между ними и нами: быть или не быть России. И потому у поляка его религия неотделима от его страстного национального стремления, от его ненависти к России и служит для него орудием политической интриги против русского государ-

ства. Напрасно стали бы мы надеяться, что папа захочет отделить интересы своей церкви от интересов польской национальности... каждый польский священник, каждый епископ, каждая женщина в руках своего ксендза продолжали бы свое дело подпольной вражды к России с ее Церковью и возбуждения во всех и каждом злобной ненависти ко всему русскому»¹⁸.

Очевидно, в этой цивилизационной борьбе главная схватка разгорелась вокруг униатства, как главного инструмента польского воздействия на белорусов и украинцев. Эта борьба шла с переменным успехом. Вскоре после присоединения белорусских и украинских земель к России униатское население этих областей начало по собственной инициативе массово переходить в Православие. Только с августа 1794 г., когда императрицей Екатериной II был издан указ, разрешающий свободное присоединение униатов к Православию, по март 1795 г., только по официальным данным, присоединившихся было 1 483 111 человек, 2603 церкви и 1552 священника. В итоге, по данным П.Д.Брянцева, во время правления Екатерины Великой на всех присоединенных территориях вышли из состава униатской церкви и приняли Православие в общей сложности более 3 000 000 человек¹⁹. Это массовое возвращение униатов к вере своих предков можно с полным правом назвать первым воссоединением. Но в основном это были украинцы. В Белоруссии процесс воссоединения прошел по юго-востоку и остановился на границе наиболее олатинившейся и полонизированной Северо-Западной части страны.

Здесь нам имеет смысл не ограничиться констатацией факта, что уния здесь пустила глубокие корни, а несколько подробнее рассмотреть причины этого явления. Во-первых, социальная политика России на присоединенных территориях сохраняла существовавший в Речи Посполитой господствующий класс, огра-

ничивая при этом только анархию шляхты и своеволие магнатов, и имела целью притянуть на свою сторону местных землевладельцев. Это сохраняло господство поляков-помещиков над белорусскими крестьянами-униатами со всеми вытекающими из этого последствиями. Попытки создать в Белоруссии институт русского землевладения не привели к значительным результатам. По данным, приводимым профессором В.Н.Черепицей, в Виленской, Гродненской, Минской и Витебской губерниях в начале 60-х годов XIX в. «польских землевладельцев было в 7 раз больше, чем непольских, а их земельная площадь почти в 3,7 раза превышала непольское помещичье землевладение»²⁰. Кроме этого, правительство Российской империи не пресекало влияние на население присоединенных областей католического духовенства. Это происходило из принципа веротерпимости, провозглашенного императрицей Екатериной II. «Как всевышний Бог, — писала императрица в указе Святейшему Синоду от 1773 г., — терпит на земле все веры, то и Ее Величество из тех же правил, сходясь Его святой воле, в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ее подданными всегда любовь и согласие царствовали».

На основании такого принципа и из ложных опасений перед мнимым фанатизмом православного духовенства деятельность православных миссий была ослаблена. Поощрительные меры к крещению иноверцев были отменены, кроме трехлетней льготы новокрещеным. Этого мало — иноверному духовенству (ксендзам, муллам, ламам) назначались казенные средства содержания, каких не имели даже и православные священники. Т.е. в Белоруссии под русской властью сохранялся духовно-культурный раскол общества, и белорусские крестьяне продолжали испытывать как экономический, так и цивилизационный гнет. Во-вторых, униатская церковь здесь вообще была лучше организована, чем на Украине и ее духовенство, более латинизированное, пользуясь покрови-

тельством польских землевладельцев, было менее доступно православному влиянию. Наконец, нельзя не заметить, что в этой ситуации выработанный белорусами консерватизм начал работать не только против латинства, но и против Православия. В районах, где уния утвердилась и пустила корни, униатство уже воспринималось как седая и освященная древность. В результате в лоне униатской церкви в начале XIX в. остались более полутора миллионов белорусов.

Польско-католическая партия очень правильно оценила сложившуюся ситуацию и крайне уязвимые с обеих сторон позиции униатской церкви. Польский исследователь этой проблемы Е.Ликовский писал: «Польша сама виновата в непредусмотрительности и в равнодушии, греховном по отношению к принявшим унию русинам; она не сумела понять их важность для блага страны и общей Церкви, тем подготовив почву для русских схизматиков, которую они, получив после аннексии Польши неограниченную власть над русинскими землями, смогли беспрепятственно возделывать в неложной надежде, что употребленные ею (Польшей — авт.) против унии средства рано или поздно достигнут своей цели, т.е. похоронят унию»²¹. Таким образом, поляки четко осознавали свои прежние ошибки и не надеялись, что уния может существовать в Российской империи неопределенно долго. В результате, уже во время оглушительных успехов Православия на Украине и юго-востоке Белоруссии, они начали решительные активные действия по усилению полонизации белорусских земель, над которой с начала XIX в. трудились все учебные заведения Виленского учебного округа во главе с Виленским университетом, и переводу униатов в чистое латинство. Образно говоря, униатская церковь оказалась в роли добычи, от которой с одной стороны отрывал куски двуглавый орел, а с другой — одноглавый.

Деятельности польско-католической партии в Белоруссии весьма способство-

вало как сочувствие ей со стороны русского образованного общества, не понимавшего цивилизационной сути происходящего в Северо-Западном крае империи, так и покровительство со стороны императоров Павла I и Александра I. Изучая отношение их к «польскому вопросу» и белорусско-литовским территориям, нельзя не согласиться с Ежи Охманьским, который пишет: «Царская власть в это время была далека от идеи культурной русификации Литвы, т.е. ничем не препятствовала колонизации этой страны». В результате только в правление этих императоров более 100 000 униатов перешли в латинство. В своей знаменитой записке 1827 г. будущий митрополит Иосиф (Семашко) писал: «Я уверен, что мало отыщется в Римском обряде крестьян русского происхождения, которые бы не присоединились к оному уже во время Российского правления»²². Можно с достаточной уверенностью предположить, что если бы русское правительство и далее действовало или бездействовало в том же духе, то униаты просто растворились бы в недрах польского латинства и Северо-Западный край Белоруссии был бы навсегда цивилизационно потерян для России. Об этой опасности прямо предупреждал Семашко: «...Может быть, довольно одного благоприятного случая, и полтора миллиона русских по крови и языку своему отчуждены будут навсегда от старших своих братьев». Для Российской империи это должно было стать страшным ударом. Проиграв цивилизационной столкновение с поляками в Белоруссии, она никогда бы уже не смогла закрепить за собой эти территории. Ее власть в таком случае могла бы держаться только на грубой военной силе и только временно, со всеми вытекающими из этого геополитическими последствиями. Но трудно себе даже представить, какой катастрофой это должно было обернуться для белорусского народа. Северо-Западная часть Белоруссии — нынешние Гродненская, часть Брестской, Минской и Витебской областей — со всем своим ис-

конно русским населением окончательно выпали бы из сферы влияния восточно-христианской цивилизации и просто стали бы неотъемлемой частью Польши. Одновременно, православные белорусы юго-востока, под влиянием обострения до крайних пределов цивилизационного столкновения, неизбежно должны были пополнить великорусское племя.

Это понял император Николай I, который «всегда испытывал по отношению к Польше инстинктивную неприязнь»²³. Он «тотчас же по восшествии на престол обнаружил энергичное желание действовать в духе русском» и постарался облегчить для России цивилизационную обстановку в крае. С первых дней нового царствования обнаружилось стремление правительства к усилению изучения русского языка в Виленском учебном округе. В университете и в средних учебных заведениях вводились предметы на русском языке: история, география, статистика. Усиливалось, особенно в Главной католической семинарии в Вильно, изучение славянского и русского языков. Также начали предприниматься осторожные меры по реформированию униатской церкви, призванные остановить процесс ее латинизации и хотя бы внешне приблизить к Православию. Все эти действия не носили планомерного характера и не могли переломить цивилизационную ситуацию. У правительства Российской империи не было опоры в крае. Вспомним, высший слой — помещики и шляхта, католики и примыкающее к ним римское духовенство, почти все без исключения — патриоты Речи Посполитой и враги России. Униаты-крестьяне самим правительством оставлены в порабощении у польских землевладельцев и не имели возможности проявить собственную волю. Униатское духовенство существенно латинизировано и уже имеет больше сходства с ксендзами, чем с православными священниками.

О русской власти в Белоруссии в первой половине XIX в. остались такие сви-

детельства современников: «Комическое и жалкое зрелище представляла в то время русская государственная власть в западных областях. Два-три асессора (становых пристава) на уезд, с капитан-исправником во главе, а в уездном городе—городничий, составляли весь персонал охранительной и исполнительной полицейской власти, комплектовавшейся преимущественно из офицеров отставных или неспособных к фронтальной службе, большею частью из местных уроженцев польского происхождения и всегда нищих духом и средствами, вечно нуждающихся и бегающих за подачками. В губернском же городе—губернатор, чаще всего из военных, жандармский штаб-офицер да два-три русских чиновника, стоящих во главе отдельных управлений. Таков был состав рати, поставленной на страже русских интересов в крае, находившемся несколько столетий под давлением польского начала и католицизма... Юрисдикция и администрация края оставались обставленными такими же малоспособными и неблагонадежными деятелями, какие встречались в краю до мятежа. Как в начале текущего столетия, так и в 30-х годах, т.е. после восстания, правительство наше в возвращенных от Польши областях представляло собою одну грубую, материальную силу. А потому и неспособную вести успешную борьбу с духовными началами, созидавшими известный (польский) общественный строй. Главная забота наша заключалась в сохранении спокойствия и порядка в злополучном крае, причем всякого рода народные вспышки и волнения, хотя бы по своему характеру они благоприятствовали интересам правительства, подавлялись нами немедленно самыми крутыми и энергическими мерами». В результате такого положения все распоряжения правительства легко блокировались польско-католической партией и не достигали намеченных целей. Положение казалось безнадежным. В конце концов правительство уже не надеялось добиться своих цивилизационных целей и, главное, вернуть в

Православие белорусских униатов. На это прямо указывалось в речи, произнесенной по случаю 25-летнего юбилея царствования Николая Павловича святителем Филаретом Московским. Этот маститый архипастырь, посвященный во многие государственные тайны, со знанием дела говорил: «Правительство русское поступало с ними (т.е. униатами) по правилам веротерпимости. Посему, сколько должно было желать, столько же мало можно было надеяться их воссоединения с Православною Церковию»²⁴.

Однако опора у России в Белоруссии все-таки была. В недрах униатской церкви у многих священников существовали проправославные и прорусские настроения. Многие из них прошли курс наук в католической Главной семинарии в Вильно, т.е. это была наиболее образованная часть униатского духовенства. Именно из их среды в конце 20-х гг. XIX столетия промысл Божий вывел на историческую сцену будущего архиерея-воссоединителя Иосифа (Семашко). Мнения о его деятельности и личности крайне противоречивы. Одни считают его предателем католицизма, своекорыстным и беспринципным человеком. Другие ставят вопрос о причислении владыки Иосифа к лику святых. Одни утверждают, что Семашко был просто захвачен потоком царской политики, ведущей к ликвидации униатской церкви. Другие полагают его инициатором и главным деятелем воссоединения. Религиозные и морально-нравственные мотивы, а также принципы и степень влияния деятельности архипастыря на интересующие нас исторические события—это предмет особых исследований. Ограниченные объемом материала, мы можем только засвидетельствовать, что пристальное изучение всех сторон жизни и трудов владыки Иосифа открывает перед нами потрясающее величие и кристальную чистоту его личности, а также то, что он действительно после польского восстания 1830—1831 гг. являлся главным деятелем подготовки воссоединения униатов. Он сумел собрать вокруг

себя группу единомышленников из уже упоминавшейся среды образованного униатского духовенства и, при поддержке правительства, следуя плану, представленному им императору Николаю I в Записке от 5 ноября 1827 г., ослабить, насколько это было возможно, польско-католическое влияние на униатов и создать в униатской церкви атмосферу тяготения к Православию. Плодом трудов владыки Иосифа и его сотрудников стало прошение униатов о присоединении к Православию, принятое на соборе униатского духовенства в Полоцке в феврале 1839 г. Прощение, естественно было удовлетворено. Это стало вторым воссоединением западнорусских униатов, во время которого к Русской Православной Церкви присоединились 3 епископа, 1305 священников и 1607 приходов с 1 600 000 человек. Теперь в подавляющем большинстве это были белорусы. Униатская церковь в Белоруссии, просуществовавшая 243 г., ушла в небытие.

Но заслуга митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) не только в том, что он привел униатов в лоно Православия. Архипастырь не только совершил, но и завершил воссоединение, 29 лет занимая сложнейшую в этно-религиозном отношении Литовскую кафедру. В эти годы он ставил перед собой задачу утверждения Православия в Литве и Белоруссии, одновременно имея в виду сверхзадачу возвращения этих земель в сферу влияния восточной христианской цивилизации и восстановления русской православной самоидентификации белорусского народа. Смешав в первый период своей деятельности с 1840 по 1844 годы административными мерами древлеправославное и воссоединенное население Белоруссии и Литвы, а так же унифицировав церковное право присоединенной Церкви с церковным правом Русской Православной Церкви, высокопреосвященный повел бывших униатов к полному религиозному слиянию с прочими православными. Для этого он обратил пристальное внимание

на правильность совершения православного богослужения, преобразование бедного приходского духовенства и, самое главное, на воспитание нового поколения пастырей, которые по своим качествам ничем не отличались бы от древлеправославных. Очевидно, что владыка не ставил перед собой задачу превращения белорусов в русских, ликвидации местных белорусских диалектов и создавшегося столетиями уклада жизни и традиций народа, в чем его пытаются обвинить современные ревнители белорусскости и униатства. Он удивительно терпимо относился даже к тому, что среди воссоединенных продолжали существовать польско-униатские привычки, как, например, пение религиозных песен на польском языке, хранение в домах католических икон, ношение на груди крестиков и даже посещения простыми верующими в праздники костелов и т.д. По мысли святителя при правильном направлении церковной политики все это должно было со временем отмереть само собой. «Нужно только выждать, — писал владыка Иосиф в одном из уже цитированных нами писем графу Протасову, — и все придет само собою — излишнюю поспешностию можно скорее повредить, нежели пособить...»

Архипастырь считал главным признаком слияния бывших униатов и древлеправославных исповедание ими одной Православной веры, следование по одному пути благочестия и естественную идентичность внешних форм церковной жизни. С удовлетворением оглядываясь на свои труды, высокопреосвященный писал в 1861 году: «Остается изменить, что изменяется только временем, а может быть, и должно остаться навсегда, как местность». Такой мягкий подход к утверждению Православия был единственно возможным. Но он приводил к тому, что внешние, а тем более внутренние изменения среди воссоединенных происходили очень медленно. Для митрополита Иосифа и всех, кто был знаком с униатами до воссоединения, это было

естественно. Более того, помня положение перед 1839 годом, они прекрасно видели реальные и довольно значительные сдвиги. Но тех, кто приезжал из России и впервые знакомился с церковной жизнью и традициями в Литве в 40-е и 50-е годы, это знакомство, как правило, повергало в шок и заставляло думать, что воссоединение не принесло никаких плодов и было ошибкой. Слишком непохожи были Литовские православные на православных русских, слишком много в них было польско-униатского. Такими сторонними русскими наблюдателями нам оставлено множество свидетельств их удивления увиденным. Современные исследователи любят цитировать их воспоминания и делать выводы о том, что бывшие униаты «больше склонялись к католическому костелу, чем к православной церкви». Но на подобные мнения иносказательно и со свойственной ему мягкой иронией ответил сам архипастырь: «Да впрочем, пора бы, кажется, и порицателям воссоединенных напомнить, что они ставят себя в смешную позицию тех, которые оуждали бы победителя, приобретшего целую провинцию, потому единственно, что там носят не такие шапки и лапти, как в Смоленской губернии, и говорят другим языком или диалектом». Естественно, что владыка встретил в своих церковных трудах яростное сопротивление польско-католической партии. Считая Белоруссию и Литву своим достоянием, она не могла безучастно наблюдать за ликвидацией многовековых усилий по окатоличиванию и полонизации белорусов. Их сопротивление выразилось в фанатичной деятельности латинского духовенства, притеснении воссоединенных почти поголовно крепостных крестьян польскими помещиками, настраивании бюрократического аппарата местной русской власти не на содействие, а на противодействие всем начинаниям по преобразованию воссоединенного церковного организма. Для святителя естественно было ожидать помощи от правительства, но после 1845 года, когда император Николай I посетил римского первосвя-

щенника, оно фактически очень мало содействовало его деятельности.

Можно смело утверждать, что в 50-е годы святитель не только неусыпно охранял и укреплял вверенную ему паству, но и одиноко стоял на страже русских интересов в Белоруссии и Литве. «Трудно было Иосифу, — писал после усмирения польского мятежа М.Н.Муравьев, — который с сим вместе (т.е. с воссоединением. — авт.) был сделан митрополитом Литовским, устроить новую свою православную паству. Хотя Государь и давал ему все возможные к тому материальные средства, но дело состояло в моральном преобразовании духовенства и освобождении самих крестьян от давления и ига панов-католиков, которые не давали крестьянам своим свободно устраивать православную религию. Нравственное преобразование духовенства требовало многого времени и материальной поддержки, которой оно не имело и оно оставалось в той же бедности и зависимости от богатых панов. Причем надо заметить, что главные правители края оказывали явное предпочтение католическому духовенству и не только не содействовали митрополиту Иосифу, но даже противодействовали во многом. При такой неблагоприятной обстановке дела надо удивляться, как митрополит Иосиф удержал оное. Правительство обязано единственно ему в совершении сего великого дела, которое с тем вместе положило в будущем твердое начало русской народности в крае...»²⁵ Таким образом, владыка Иосиф не только подготовил воссоединение оставшейся в пределах Российской империи униатской церкви, но и самоотверженными церковными трудами закрепил дело воссоединения. Прочность воссоединения прошла проверку во время польского мятежа в Белоруссии и Литве в 1863 г. Белорусский народ, несмотря на все усилия мятежников, не пошел за ними, четко отделив свои национальные интересы от интересов польских. Бывшие униаты не откликнулись на обращенные к ним призывы польских патриотов, и польское

национальное движение в Литве не нашло опоры в широких народных массах. Наоборот, белорусы откликнулись на призыв русского генерал-губернатора М.Н.Муравьева и начали помогать власти наводить порядок. Для примера достаточно вспомнить народные караулы почти в каждой белорусской деревне. «Белорусские крестьяне,—пишет архиепископ Афанасий (Марто),—понимали своим простым умом, что революционная затея являлась чисто польским делом и в польских интересах. Белорус остался в стороне от этой затеи».

С этим мнением согласен и современный исследователь П.Г.Чигринов: «Крестьянство Беларуси, как и Литвы, не поддержало требование восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г.» В Литве инсургенты остались в одиночестве. Несмотря на жестокие репрессии при рекрутировании, в их отрядах вообще крестьяне, а тем более крестьяне православные «представляли большую редкость». В результате польский мятеж в крае был быстро ликвидирован. Это неопровержимо свидетельствует об успехе дела воссоединения белорусских униатов, а следовательно, о цивилизационной победе России как лидера Восточно-христианской цивилизации.

Воссоединение униатов нанесло католицизму и полонизму в Белоруссии сокрушительный удар, от которого им уже не суждено было оправиться. Но какими оказались исторические последствия этого события для белорусов? Конечно, это все те последствия, которые историки связывают с вхождением Белоруссии в состав Российской империи, ведь, как мы уже говорили, без воссоединения Россия не сумела бы цивилизационно привязать к себе свой Северо-Западный край. Во-первых, ликвидация унии духовно соединила все части белорусского народа, расколотые унией, в единое целое, восстановило его цельность. Во-вторых, подрыв позиций полонизма и католицизма в Белоруссии привел к постепенному возвращению

белорусов к их истокам. В-третьих, воссоединение дало толчок становлению самосознания народа, которое, прежде всего, выражается языковым самоопределением. Со всей очевидностью это явление нашло отражение в результатах всеобщей переписи населения Российской империи, прошедшей в 1897 г. Здесь население всех белорусских губерний, и западных, и восточных, однозначно назвало свой родной язык не русским, как во времена унии, но белорусским. В-четвертых, ликвидация унии придала новый мощный импульс развитию белорусского языка, формированию его литературной формы. В-пятых, начало делать первые шаги национально-культурное возрождение белорусов. В-шестых, возник научный интерес к изучению истории, этнографии и фольклора белорусского народа. Из всего сказанного следует, что воссоединение униатов сдвинуло с мертвой точки искусственно замороженный в Речи Посполитой процесс превращения белорусской народности в белорусскую нацию.

«По нашему мнению,—пишет известный политолог профессор В.А.Мельник,—в период вхождения Белой Руси в состав Российской империи были подготовлены этнические, социальные, экономические, политические и духовные предпосылки для становления наконец собственно белорусской или, точнее, национальной белорусской государственности». Сделаем маленькое уточнение: этнические, социальные, политические и духовные предпосылки современной белорусской государственности не могли возникнуть без воссоединения униатов, произошедшего на Полоцком соборе 1839 г. В этом нам видится непреходящее значение ликвидации униатской церкви в исторической судьбе белорусского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О том, что стержнем этой цивилизации является именно Православная Церковь свидетельствует тот факт, что данный су-

перэтнос оказался сформированным из народов, которые принадлежали совершенно разным культурно-историческим типам. Точно так же к разным культурно-историческим типам относятся и народы, входящие в Западно-Европейскую цивилизацию. Ее стержнем является католицизм.

² Этот вопрос хорошо исследован в трудах академика Л.Н.Гумилева. Например, «История народа хунну». Гумилев Л.Н. История народа хунну / Сост. и общ. ред. А.И.Курчки: В 2-х книгах.—М.: Институт ДИДИК, 1998.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. Изд.6 / Предисловие Н.Н.Страхова; статья К.Н.Бестужева-Рюмина; составление, вступительная статья и комментарии А.А.Галактионова. - СПб. Изд-во С.-Петербургского университета, Изд-во "Глагол", 1995. С.48.

⁴ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. III. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240 - 1589). Отдел I. Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240 - 1448).—М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 82.

⁵ Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории.—М.: Рольф, 2000. С.176.

⁶ Там же, с. 176.

⁷ Афанасий (Мартос), архиеп. Беларусь в исторической государственно и церковной жизни. С. 47 - 48.

⁸ Ковкель И.И., Ярмусик Э.С. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени.—Мн.: «Аверсэв», 2000. С.46.

⁹ Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн., 1992. С. 134.

¹⁰ Сергей Голованов, иерей. Присоединение к Риму и становление воссоединенной Церкви.www.vselenstvo.narod.ru

¹¹ Без автора. История Православия в Литве. www.bratstvoprav.narod.ru

¹² Карскі Я. Беларусы. С. 105.

¹³ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки

мифологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. С.Э.Борич; Науч. ред. О.Н.Шпарага; Худ. Обл. М.В.Драко.—Мн.: ООО «Попурри», 1999. С.71.

¹⁴ Миркович Ф.Я. Отчет Виленского генерал-губернатора о положении в крае за 1841 г. // Русский архив. 1890. Т.1. С.427.

¹⁵ Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, тип. А.С.Сыркина, 1889. С.556-557.

¹⁶ Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: Т. 1-3,—СПб.: С. 50.

¹⁷ Цит. по Швед В. Польские пытанне і Беларусь... С.278.

¹⁸ Победоносцев К.П. Письма Александру III. М., 1925 - 1926. в 2-х тт. Т.2, С.324-325.

¹⁹ Брянцев П.Д. История Литовского государства...С.584.

²⁰ Черепица В.Н. Польское национальное движение в Белоруссии (последняя треть XIX века): факты-события-комментарии.—Гродно, 1996, С.11.

²¹ Likowsky E. Dzieje kosciola unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku. Warszawa, 1906. С. 304.

²² ЗИМЛ. Т.1, С. 393.

²³ Труайя А. Николай I.—М.: Изд-во Эксмо, 2002. С. 99.

²⁴ Сочинения митрополита Филарета. Т.5. М., 1885, С.107-108.

²⁵ Муравьев М.Н. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа 1863-1866 гг. // Русская старина. Т.36, 1882. С.631-632.

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ:

1. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: Т. 1-3,—СПб.: тип. имп. А.Н., 1883.—Т.1.—745 с.: 1 л. портр.; Т.2.—786 с.: 1 л. портр.; Т.3.—1042 с.: 1 л. портр.

2. Гісторыя Беларусі: Вучэб. Дапам. У 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў—па люты 1917 г. / Я.К.Новік, Г.С.Маршуль, І.Л.Качалаў і інш.; Пад рэд. Я.К.Новіка,

- Г.С.Марцуля.—2-е выд., перапрац. і дап.—Мн.: Універсітэцкае, 2000.—416 с.
3. Гумилев Л.Н. История народа хунну / Сост. и общ. ред. А.И.Куркчи: В 2-х книгах.—М.: Институт ДИ_ДИК, 1998.
  4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. Изд.6 / Предисловие Н.Н.Страхова; статья К.Н.Бестужева-Рюмина; составление, вступительная статья и комментарии А.А.Галактионова.—СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, Изд-во «Глагол», 1995.—552 с.
  5. Норберт Элиас. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. СПб.: Университетская книга, 2001.—332 с.
  6. Andrzej Kusielczuk. Polityka narodowosciowa Rosji a polskie i bialoruskie kwestie narodowe na przelomie XIX—XX wieku. // Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці». Гродна, 1999.
  7. Швед В. Польскае пытанне і Беларусь у 1772—1863 гадах // Матэрыялы VII Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці». Беласток, 2000.
  8. Михаил Кулецкий. Лях и москаль—закрытые друзья. // Славянский мир. Спец. номер журнала «Родина» вместе с Государственной Академией славянской культуры. Январь-февраль 2001.
  9. Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. XVI. Работы разных лет / Отв. Ред. И.Д.Ковальченко.—М.: Мысль, 1995.—733 с.
  10. Ратч В.Ф. Сведения о Польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России. Т.1. Введение. Ч.1. Северо-Западная Россия до падения Речи Посполитой. Вильна, Губ. Тип., 1867.—678 с.
  11. Сергей Утрата, диакон. Восстание 1863-1864 гг. и церковная жизнь в Белоруссии. / Дис. канд. богословия.—Жировичи, 2000.—201 с. с ил.—В надзаг.: Московский Патриархат, Белорусская Православная Церковь, Минская Духовная Академия имени святителя Кирилла Туровского, каф. Церковной Истории.
  12. Смолич И.К. История Русской Церкви 1700—1917. Ч. 2.—М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.—799 с.
  13. Иероним Граля. Свои люди—сочтемся. // Славянский мир. Спец. номер журнала «Родина» вместе с Государственной Академией славянской культуры. Январь-февраль 2001.
  14. Беднов В.А. Православная Церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum).—Мн.: Лучи Софии, 2002.—432 с.
  15. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. III. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240—1589). Отдел I. Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240—1448).—М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.—703 с.
  16. Сандулов Ю.А. История России: народ и власть.—СПб.: Издательство «Лань», 1997.—448 с.
  17. Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории.—М.: Рольф, 2000.—320 с.
  18. Афанасий (Мартос), архиеп. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Мн., 1990.—292 с.
  19. Ковкель И.И., Ярмусик Э.С. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени.—Мн.: «Аверсэв», 2000.—592 с.
  20. Сергей Голованов, иерей. Присоединение к Риму и становление воссоединенной Церкви. www.vselenstvo.narod.ru
  21. Карскі Я. Беларусь / Я. Карскі; Уклад. і камент. С.Гараніна і А.Ляўшун; Навук. рэд. А.Мальдзіс; Прадм. Я.Янушкевіча і К.Цвіркі.—Мн.: «Беларускі кнігаабзор», 2001.—640 с. (8 с іл.)